

СЕРГЕЙ ПЕРЕСЛЕГИН
ЕЛЕНА ПЕРЕСЛЕГИНА

«ДИКИЕ КАРТЫ» БУДУЩЕГО

ФОРС-МАЖОР
ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Елена Б. Переслегина
Сергей Борисович Переслегин
«Дикие карты» будущего.
Форс-мажор для человечества
Серия «Каким будет мир»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24499220
«Дикие карты» будущего. Форс-мажор для человечества / Сергей
Переслегин, Елена Переслегина.: Алгоритм; Москва; 2015
ISBN 978-5-4438-0983-0

Аннотация

«Дикие карты» («wild cart», «джокер») – это маловероятные, но крайне значимые события. Такие события выходят за рамки прогностических возможностей человечества, однако стоит им произойти, как тотчас же кардинально меняются судьбы и образ мышления людей. Это могут быть как глобальные катастрофы (падение астероида), так и неожиданная и важная инновация (позиционная запись числа, двойная бухгалтерия), принципиальная идея (майорат), художественный текст («Алиса в Стране чудес»). В своей новой книге «Дикие карты» будущего. Форс-мажор для человечества» Сергей Переслегин – гуру современной футурологии, руководитель

группы «Конструирование будущего» – ищет неведомые варианты развития общества, пытается смоделировать реакции человечества, столкнувшегося с совершенно новыми для него проблемами.

Содержание

Вместо эпиграфа	5
Пролог	16
«Темза, сэр!»	16
Технология прогноза: тренды и «Дикие карты»	23
Почему Будущее актуально?	28
Прогностика в геопланетарных координатах	37
Семантическое управление через Игры	47
Часть 1	57
Русская онтологическая школа в Димитровграде, август 2010	57
Глава 1	60
Прелюдия: мировой финансовый кризис 2008–2010 гг. в среднесрочной перспективе	60
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Сергей Переслегин «Дикие карты» будущего. Форс-мажор для человечества

**Вместо эпиграфа
Грядущая война (по материалам
закрытого обсуждения в
Германском Генеральном
Штабе 30 декабря 1910 года)**

Данный текст был предназначен для публикации в сентябрьском номере журнала «Штерн» за 2008 год, но в связи с событиями в Осетии и Абхазии редакция сочла тему очередной годовщины начала Первой Мировой войны недостаточно актуальной.

Из редакционного предисловия:

«Текст представляет собой стопку рукописных листов, свернутую в трубку. Записи, по-видимому, были сделаны од-

ним из младших офицеров квартирмейстерской службы в неслужебных целях. После перевода этого офицера на другую должность записка была оставлена в шкафу, при очередной проверке режима секретности получила инвентарный номер и далее хранилась вместе с кучей других документов, не представляющих ценности, но запрещенных к разбазариванию. В таком статусе документ пережил три войны и несколько политических режимов, в том числе – оккупационный. После воссоединения Германии рукопись была выброшена на свалку вместе с большим количеством других документов, которые военное руководство ГДР не успело уничтожить. Выброшенные бумаги имели штамп военного ведомства, что привлекло внимание местных правозащитников. В результате часть документов была сохранена, некоторые из них впоследствии опубликованы. Предлагаемая вашему вниманию памятная записка не вызвала интереса общественных организаций, хотя с исторической точки зрения весьма интересна, поскольку представляет собой подобие отчета о первом в новейшей истории опыте научного прогнозирования будущего. Нет никаких сомнений в аутентичности этого документа, и страшно даже подумать, насколько изменилась бы история Европы и всего мира, если бы военное руководство Германии отнеслось к выводам своих экспертов серьезно.

Насколько можно судить, исследование было организовано Хельмутом Иоганном Людвигом Мольтке (младшим)

вскоре после того, как он приступил к обязанностям начальника Генерального Штаба, что произошло в 1906 году. В рамках Академии Генерального Штаба была организована небольшая исследовательская группа, перед которой была поставлена задача описать важнейшие особенности грядущей войны, которая уже тогда мыслилась как мировая (во всяком случае, общеевропейская). Группа имела довольно широкие права привлекать к исследованию виднейших немецких ученых, политиков, военных и бизнесменов, то есть исследование носило все черты современных разработок в области Форсайта. Рассматривались три горизонта прогноза: пять лет, двадцать пять лет и пятьдесят лет.

Насколько можно судить, исследовательская группа игнорировала результаты экспертных опросов, как тривиальные, и предложила свое собственное видение будущего».

Расшифровка памятной записки от 30 декабря 1910 года

«— Не подлежит сомнению, что в течение пяти лет мы столкнемся с общеевропейской коалиционной войной, причем Германия и Австро-Венгрия будут сражаться против Великобритании, Франции и России.

- Бред! Великобритания останется нейтральной.
- Великобритания не останется нейтральной, что становится ясно, как только мы совместно проанализируем германскую и британскую военно-морские программы. Следу-

ет также принять во внимание, что экономическое положение Великобритании вынуждает ее делать ставку на крупное военное столкновение, в противном случае она столкнется с серьезными трудностями в промышленности. Исследование рынков сбыта...

– Не отвлекайтесь на экономические вопросы. Продолжайте доклад. Почему вы считаете войну вероятной уже в пятилетней перспективе?

– Россия модернизирует свою армию и постепенно оправляется от поражения в войне 1904–1905 гг. Мы же склонны считать, что военная слабость “русского парового катка” продлится многие годы, в результате выступаем с позиции силы и непрерывно провоцируем Россию – на Балканах, в вопросах о хлебных пошлинах, в обсуждении темы черноморских проливов. Император Николай – обидчивый человек. Как только он сочтет, что его армия готова, очередной мелкий политический кризис в какой-нибудь богом забытой Черногории приведет мир к войне.

– Очень проблематично, если учесть дружеские отношения между русским Императором и Его Величеством Кайзером Вильгельмом Вторым.

(Дружное “Хох!” Кайзеру и стране.)

– Продолжайте.

– Мы полагаем, что эта война будет очень длительной.

(Шум в зале.)

– Очень длительной – это сколько? Полгода, полтора года,

как у японцев с русскими?

– Нужно рассчитывать на пять лет. Может быть, больше.

(Шум в зале усиливается.)

– Понимаете, дело в том, что основной проблемой войны будет кризис управления. Дело не в том, что оно плохое. Дело в том, что оно у всех одинаковое, построено на одинаковых принципах. Поэтому любое действие будет вызывать адекватное противодействие. Германия имеет преимущество в качестве штабной работы, зато у противников есть общий перевес в силах. В результате возникнет паритет, равновесие. Ни одна сторона не признает себя побежденной до тех пор, пока не будет сломлена ее воля к продолжению борьбы. А это потребует многих лет и, как ни страшно это сказать, миллионных потерь.

– Вы с ума сошли. Как вы вообще себе представляете сражение, которое длится без остановки день за днем, месяц за месяцем?

– Как осаду крепости. Вас же не удивляет, что Порт-Артур штурмовали восемь месяцев. А ведь это была очень слабая и периферийная крепость. В данном же случае речь будет идти о крепости размером со страну, защищаемую сильной полевой армией.

– Но страна – не крепость. Тут нет блиндажей, траншей, фортов и укреплений.

– Мы предсказываем позиционную войну. Фронт протянется через всю территорию Франции – от швейцарской

границы до моря. Сплошные линии параллельных траншей, глубина обороны – десятки километров. Оборона будет строиться на артиллерии и пулеметах...

– Но пулеметы – по Уставу оружие преследования!

– А вы представьте себе последствия стрельбы из пулемета, укрытого за бетонным козырьком, по наступающей пехоте. Один пулеметчик сможет остановить наступление целой роты. И это будет важной особенностью новой войны – примат обороны над наступлением, пулеметы и колючая проволока.

– Сколько колючей проволоки?

– Нужно ориентировать промышленность на тысячи тонн ежемесячно. Может быть, даже до десяти тысяч тонн.

– Вы обсуждали это с экспертами?

– Эксперты считают, что такого количества проволоки не потребуется, а промышленность говорит, что столько изготовить все равно невозможно¹. Но мы считаем...

¹ «Как и во многом другом, германское военное руководство не озаботилось созданием специального запаса колючей проволоки. Повышенного требования на нее со стороны войск не предвиделось. “И в самом деле, в первые месяцы войны оно оказалось очень малым и могло быть легко покрыто немецкой провололочной индустрией”. В августе и сентябре 1914 г. поставки колючей проволоки составили 365 т, в декабре они повысились до 5330 т. Промышленность же без всякого напряжения могла изготовить 3000–7000 т. Но в 1915 г. картина начинает резко меняться. В июле 1915 г. было произведено в Германии 8020 т колючей проволоки, и это лишь на 59 % удовлетворило потребности армии; в октябре поставки составили 18 750 т – 86 % потребности фронта». М. Галактионов. Темпы операций.

– Держитесь, пожалуйста, в рамках разумного. Продолжайте.

– Чтобы прорвать позиционный фронт, потребуется очень много артиллерии. Речь будет идти о сосредоточении в одной операции нескольких тысяч стволов, в том числе сотен стволов больших и сверхбольших калибров. Но, на наш взгляд, это не принесет необходимого результата.

– И что же его принесет?

– Предстоящая война станет войной авиации. Аэропланы увеличатся в размерах, возрастет их скорость, высота полета. Мы можем продемонстрировать подтвержденные экспертами прогнозы роста возможностей летательных аппаратов...

– Ваши эксперты – летчики?

– Да, конечно...

– А у циркачей вы прогнозы не запрашивали? Авиация – это для спорта. Продолжайте.

– Аэропланы смогут перелетать линию фронта. В глубоком тылу они будут скидывать гранаты и небольшие снаряды на железные дороги, вокзалы, линии управления, штабы. Поскольку только аэропланы смогут им противодействовать, война превратится в ожесточенную схватку за господство в воздухе. Кстати, если предположить, что самолет может нести мину Уайтхеда² и взлетать с палубы корабля, самолеты превратятся в серьезнейшее средство борьбы с дредноутами. Если учесть, что деятельность крупных боевых ко-

² Торпеду.

раблей будет ограничиваться также и минами, мы склонны предполагать, что Германии не понадобится в грядущей войне ее линейный флот.

— К счастью, не вы это решаете. Продолжайте и, если можно, покороче.

— Нужно вложить большие средства в развитие авиации. Нужно обучать войска взаимодействовать с самолетами. Самых самолетов нужно будет очень много — может быть, даже сотни. И еще понадобятся бронированные машины на гусеничном ходу, как наши заказанные 420-мм гаубицы. Эти машины смогут преодолевать траншеи противника. Их тоже потребуется сотни.

— Хорошо. Мы вас услышали. А что вы скажете о двадцатипятилетней перспективе?

— Аэропланы совершают перелеты через Атлантику. Они несут торпеды и бомбы весом в несколько сотен килограммов. Они бомбят города, убивая тысячи человек, превращая целые кварталы в руины, подрывая самую способность нации к сопротивлению. Дамбы в Северном море разрушены ударами с воздуха, Голландия и северная Германия залиты ледяной водой. На равнинах Европы тысячи бронированных машин вступают в схватки друг с другом. Война становится всеобщей: в Германии каждый мужчина и каждая женщина или сражается в армии, или работает на ее обслуживание.

— Но, помилуйте, наша социальная система не выдержит такого напряжения.

– Ну, мне кажется, понятно, что после пятилетней войны, с рассмотрения которой мы начали, социальные системы очень изменятся. На этот счет есть очень убедительная экспертиза господина Энгельса: “...крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым, и нет никого, кто хотел бы поднять эти короны...”

– Постойте. Мы все-таки в официальном государственном учреждении, и здесь неуместно цитировать подобные высказывания...

– Мы и не утверждаем, что Кайзер лишится власти. Но нужно учитывать, что возникают огромные социальные и политические риски. Риск, если мы его видим, становится ресурсом развития. Если же не видим...

– Так вот, мы, офицеры Императора, такого риска не видим. Что там будет через пятьдесят лет?

– Прогнозировать так далеко очень сложно. Нужно смотреть через войну, может быть, даже через две больших войны. Поэтому мы остановимся только на одном моменте, но он важный.

Все современное оружие основано на молекулярных превращениях. Порох, динамит, нитроглицерин, шимоза, пикриновая кислота и так далее – все это или химическая реакция горения, или химическая реакция детонации. Но сейчас появились первые эксперименты, указывающие, что атом является составным объектом (во всяком случае, открытый Томпсоном электрон меньше атома). Тогда возможны атом-

ные реакции, которые будут выделять гораздо больше энергии, нежели химические.

Соответственно, исследования в области таких реакций приведут к созданию принципиально нового оружия.

— Что вы имеете в виду?

— Речь может идти о взрывчатом устройстве, соответствующем по размеру снаряду крупного калибра, но содержащим атомную взрывчатку, мощь которой будет составлять тонны шимозы, наверное, даже тысячи тонн. И появятся гигантские электромагнитные пушки, которые смогут забрасывать эти снаряды на сотни километров и даже через Ла-Манш. Новым типом войны станет атомная бомбардировка городов противника: несколько таких снарядов сметут Лондон или Берлин с лица земли, оставив после себя руины и миллионы разлагающихся тел...

— Уберите этого сумасшедшего людоеда!

— Я понимаю ваше негодование, но, пожалуйста, держите себя в руках. А вы ответьте мне на вопрос, откуда возьмется такая энергия?

— Понимаете, речь идет о превращении элементов. Например, два атома водорода весят больше, чем один атом гелия. Поэтому, если водород превратится в гелий...

— Но наука доказала, и уже очень давно, что трансмутация элементов невозможна.

— Да, по этому вопросу у экспертов имеется единое мнение. Но мы все-таки полагаем, что сам факт сложного строе-

ния атома, а это эксперты уже признали, открывает принципиальную возможность для трансмутации. В этом отношении я сослался бы на мнение молодого Альберта Эйнштейна из швейцарского бюро патентов...

– Это что, тот эмигрант, который не сумел даже нормально закончить университет?

– Я предлагаю закончить на этом наше обсуждение. Господа, всем спасибо. Сотрудников оперативного отдела прошу остаться. Будем обсуждать тактику кавалерии в ходе наступления во Франции и Бельгии».

Пролог

«Темза, сэр!»

В прогнозировании Будущего есть свои профессиональные трудности.

Во-первых, не только публика, но и Заказчики, как правило, воспринимают все прогнозы в негативном ключе. Если на сорока страницах самым восторженным образом описать перспективы развития биотехнологий, а на сорок первой странице одним абзацем упомянуть военные перспективы «дизайна микроорганизмов», то читатели обязательно придут к выводу, что авторы предсказывают «биологическую войну», «вирус-химеру» и поголовное уничтожение всего Человечества.

Во-вторых, пугает только новое. Очень трудно убедить современного человека, что самым опасным из всех сценариев оказывается тот, в котором не происходит ничего неожиданного – просто последовательно распаковываются современные тренды, хорошо всем известные и привычные. Никто не верит, что не одна Россия, но и весь «цивилизованный мир» уже давно исчерпали все позиционные возможности не только для «устойчивого развития», но и для «управляемой деградации». Иными словами, если ничего не менять, ниче-

го не делать, не ждать, не проектировать и не организовывать никаких чудес, ситуация – и взятая «в общем», и рассмотренная в любом конкретном аспекте (энергетика, продовольствие, уровень жизни, социальное обеспечение, личная свобода, продолжительность жизни...), – непременно будет ухудшаться, и довольно быстро.

В-третьих, люди трепетно относятся к своим усвоенным с детства системам ценностей. Не то чтобы они часто следовали этим ценностям в реальной жизни, но сама мысль об изменении в Будущем вызывает резкое эмоциональное неприятие. В 1960-м году Г. Гаррисон спокойно мог написать такой диалог:

« – Мета, а вы не молоды, чтобы водить межзвездный корабль?

– Я? – Она призадумалась. – Правду говоря, я не знаю, какой возраст положен для пилотов. Скоро три года, как я вожу корабль, а мне почти двадцать. Это мало для космонавта? (...) У нас все взрослые. Вернее, как перестают нуждаться в присмотре, так и взрослые. Это значит, лет с шести. Мой первый ребенок уже взрослый, и второй был бы взрослым, если бы не умер. Так что я уж точно взрослая».

Сейчас сколько-нибудь позитивное изображение подобного мира социально неприемлемо. Между тем нельзя сконструировать жизнеспособную экономику, не использующую, притом очень активно, энергию и креативность детей школьного возраста. Равным образом, «не получаются» образова-

тельные схемы, исключая для учащихся прилично оплачивающийся профессиональный труд.

Еще хуже воспринимаются прогнозы, в которых представлены привлекательные образы нетолерантного или недемократического Будущего. Нельзя усомниться в перспективах рыночной экономики. Что самое интересное: одинаково недопустимо предположить, что женщины могут при каких-то условиях утратить равные права с мужчинами и что несовершеннолетние дети могут (при каких-то других условиях) такие права получить. Можно рисовать мир без России и даже без Америки, но нельзя изобразить Будущее без Израиля. Можно прогнозировать последствия политического убийства В. В. Путина, разумеется, не в России, но даже в России «не рекомендуется» рассматривать версии убийства Б. Обамы.

В-четвертых, у всех людей существуют свои профессиональные заблуждения относительно Будущего. Невозможно объяснить нормальному грамотному офицеру в 1910 году, что «перед лицом пулеметных гнезд кавалерия может только варить рис для пехоты», а в 2010-м – что не только авианосцы, но и межконтинентальные баллистические ракеты стали теперь атрибутом стран «третьего мира» и практически полностью утратили военное значение. Ни один вменяемый финансист не станет обсуждать с вами ни «безденежную», ни «бездорожную» модели экономики. Бесполезно говорить с ними также о «замкнутых циклах» или о том, что к совре-

менной экономике концепция рынка неприменима. Зато к абсолютно вздорной и бессмысленной идее «мира, в котором государства утратили свою роль, а их место заняли транснациональные корпорации», они отнесутся вполне благожелательно. Вообще, разнообразные профессионалы свято уверены, что мир изменяют (к лучшему) именно они, хотя история отнюдь не подтверждает этот вывод.

Отдельной категорией профессионалов являются политические и финансовые элиты, так называемые «Лица, принимающие решения». Они-то свято уверены, что знают Будущее и, более того, сами делают его:

«— Европейские элиты уже приняли решение относительно повестки дня следующего десятилетия. Они достигли консенсуса по вопросу об антропогенном воздействии на климат. Сегодня только последние отморозки могут сомневаться в глобальном потеплении. Поэтому ближайшие технологические задачи определены: электромобили, возобновляемые источники энергии, “безуглеродные” города. В это и нужно вписываться.

— Но возобновляемые источники не могут покрыть энергетического дефицита европейских стран. Кроме того, с учетом продолжающегося старения населения их пенсионная система не выдержит дополнительной экологической нагрузки...

— Им лучше знать. Они принимают решения, нам остается только найти себе место в этих решениях.

– А если начнется экономический кризис?

– Какой еще может быть кризис? Элитами принято единоегласное решение об устойчивом мировом развитии»³.

Лица, принимающие решения, отчасти правы: они действительно имеют и возможность, и право проектировать Будущее. Но очень часто они забывают, что такая возможность есть у каждого человека на Земле, и именно поэтому Будущее вариантно.

Мой любимый пример. В начале XV века английские и французские элиты достигли важного соглашения по будущему Европы. Французское королевство ликвидировалось, создавалось единое франко-британское государство, ядро «общеевропейского дома». В новом королевстве были уже поделены властные позиции, да и деньги. Высокие договаривающиеся стороны определили взаимные права и обязанности, сконструировали единую политическую линию.

«В 1420 году был подписан договор в Труа, согласно которому дофин Карл объявлялся лишенным прав на корону. Королем после смерти Карла VI должен был стать Генрих V Английский, обрученный с французской принцессой Екатериной, а за ним – его сын, рожденный от этого брака. Это был смертный приговор независимости Франции. В 1422 году Генрих V внезапно умер, и королем обоих государств стал его девятимесячный сын Генрих VI. Регентом при малолетнем короле стал английский герцог Бедфорд.

³ Экспертное совещание в корпорации «Росатом» весной 2008 года.

Чтобы полностью подчинить Францию, англичанам достаточно было соединить оккупированную северную Францию с давно контролируемыми ими Гиенью и Аквитанией на юге. Ключевым пунктом, мешавшим им это сделать, был город Орлеан, операция по взятию которого началась в 1428 году».

Не договорились только с семнадцатилетней крестьянской девушкой Жанной. Получилось очень неловко: осада Орлеана была снята, в войне произошел перелом, а Жанну пришлось посмертно причислить к элите и даже приписать ей королевское происхождение.

В этом примере, по крайней мере, соглашения правящих элит не противоречили логике развития политической и военной ситуации. Гораздо веселее, когда современные ЛПРы договариваются об устойчивом развитии при наличии отчетливых кризисных трендов и потом очень удивляются, что ничего такого не получается.

Позиция прогнозиста по отношению к таким элитам как будто взята из классического английского анекдота:

«— Сэр, сэр, нужно что-то делать! Срочно, прямо сейчас! Там наводнение, сэр. Темза вышла из берегов и заливает Лондон...

— Как вам не стыдно, Джон. Вы же камердинер лорда. Приведете себя в порядок и доложите, как положено.

Через пять минут камердинер входит, уже выбритый, одетый в идеально выглаженный костюм, открывает дверь

и хорошо поставленным голосом произносит:

– К вам Темза, сэр!»

Технология прогноза: тренды и «Дикие карты»

Эта книга, как и предыдущая «Новые карты Будущего, или Анти-Рэнд» посвящена актуальным, то есть кратко- и среднесрочным прогнозам. Однако за два года, которые прошли после написания «Новых карт», обстановка в мире и в России резко обострилась. Пришел предсказанный экономический кризис, притом в наихудшей из возможных редакций «осциллирующей рецессии». Прогрессирующее старение населения поставило

Евросоюз перед необходимостью пенсионной реформы, а события 2010 года во Франции показали, что провести эту реформу «малой кровью (и лучше – на чужой территории)» не удастся. Резко усложнилась, несмотря на повсеместное сокращение производства, ситуация в энергетике. Впервые за многие десятилетия перед «золотым миллиардом» возникла реальная угроза снижения уровня жизни, а Организация Объединенных Наций выступила с заявлением о прогнозирующей неустойчивости продовольственного рынка. Пока, конечно, голод остается «призрачной угрозой». Для Европы – призрачной.

Речь не идет о глобальной катастрофе. Но Человечество уже сейчас столкнулось с необходимостью искать и находить нетривиальные и, очень возможно, единственные ре-

шения. Это означает, что в прогнозировании Будущего мы уже не можем ограничиваться примитивной форсайтной логикой: вызовы и угрозы задают набор противоречий, которые реализуются через систему трендов. Естественное развитие этих трендов порождает Неизбежное Будущее. Проектная переупаковка их позволяет сконструировать Базовый Сценарий, описывающий приемлемое Будущее, обязательно включающее в себя Неизбежное и «что-то еще».

Дело в том, что у нас уже нет приемлемого Базового сценария.

Поэтому приходится «искать шансы на краю гауссианы», то есть изыскивать различные, строго говоря, малые шансы. Иными словами, нас будет интересовать Будущее, в котором происходит реализация «диких карт». Напомним, что под «дикими картами» («wild card», «джокер») американская школа прогностики понимает события очень маловероятные, но крайне значимые. Традиционно американцы относят к «диким картам» события преимущественно катастрофические: от гипотетического падения астероида до уже произошедшего обрушения «башен-близнецов». На самом деле «джокер» может быть и позитивным. Например, неожиданная и важная инновация (позиционная запись числа, двойная бухгалтерия), принципиальная идея (майорат), художественный текст (чтобы не беспокоить лишний раз чувства верующих, вместо Корана и Библии упомянем «Алису в стране чудес»), «Джокером» может выступить просто чело-

век, который неожиданно занял позицию и сказал: *«На том стою, и не могу иначе. Да поможет мне Бог»*, – Т. Лоуренс, М. Лютер, уже упоминавшаяся Жанна д'Арк.

Считается, что «джокеры» невозможно предсказать. В известной степени это верно, поскольку, по определению, «дикая карта» возникает сразу и целиком (иногда она и исчезает сразу и целиком), при этом ее появление не обусловлено ни историческими причинами, ни угрозами или вызовами, ни понятными разрывами в проектности.

Поэтому аналитическими способами предвидеть и тем более описать «джокер» не удастся. Но, слава Богу, прогнозистика не сводится к аналитическим построениям. К тому же некоторые из тех «карт Будущего», которые привычно относят к «диким», вполне предсказуемы. То же изменение характера террористической войны на рубеже XX и XXI веков мы рассматривали в середине 1990-х, используя совершенно стандартную «уставную» военную логику. М. Робертсон в романе «Тщетность», опубликованном за 14 лет до этого, в деталях описал гибель «Титаника».

Заметим здесь, что, как обычно, довольно легко предвидеть событие, но гораздо труднее понять, к каким изменениям в системе сред это событие может привести, к каким – приведет обязательно. Тот же М. Робертсон, например, не оценил воздействия гибели «Титаника» на характер будущей общеевропейской войны. Есть немало фантастических произведений, предсказывающих ядерное оружие (в одном рас-

скаже автор даже упоминает уран и его изотопный состав, что вызвало едва ли не панику среди службы безопасности «Манхэттенского проекта»), но нет ни одного текста, предсказавшего переход военного противостояния сверхдержав в «холодную» форму. Сегодня, обсуждая возможность замкнутого ядерного топливного цикла, нужно отвечать на вопрос, как это изменит экономическую систему и, в частности, объяснить, что произойдет с мировыми валютами сразу же, а что – чуть погодя.

Эта книга построена по следующей схеме:

В первой части обсуждается онтологическая (бытийная) схема, в рамках которой мы занимаемся прогнозированием Будущего, описывается кризис индустриальной фазы развития как основной ситуационный тренд развитого мира и возможные пути актуализации этого кризиса.

Фазовый кризис, в общем и целом, осознается лидерами ведущих мировых держав. В этой связи неизбежны попытки разрешить проблемы проектным способом и за счет всех остальных. Это с высокой вероятностью приведет к своеобразному аналогу Олимпийских игр: целому ряду «технологических гонок» между странами. Россия будет вовлечена в эти гонки, если только сама не инициирует их в каких-то направлениях.

Последующие разделы книги посвящены тем аспектам «технологических гонок», которые можно с уверенностью предвидеть уже сейчас, а именно – борьбе за замкнутый

ядерный цикл, конкуренции вокруг Дальнего Космоса и ожесточенному соревнованию в моделях глобального управления. К сожалению, авторы пока не готовы выступить с подробным анализом самого сложного и интересного из глобальных конфликтов – мирового противостояния «конкурсных моделей» постиндустриальной экономики. Мы, конечно, будем вынуждены неоднократно касаться этой темы, но ее серьезному обсуждению будет посвящена лишь следующая, третья книга этого цикла – «Дорожные карты Будущего, или Перевал».

В каждой из глав мы будем использовать как традиционный прогностический подход (угрозы – вызовы – противоречия – тренды – сценарии – проекты), так и различные методы работы с «дикими картами», в том числе – исследование неочевидных последствий их реализации.

Почему Будущее актуально?

Основой капиталистической экономики и всей политики является «обратное золотое правило этики»: научи всех правильно жить, но сам живи по-другому. Правильно жить – это заботиться о своей эффективности и конкурентоспособности, не тратить деньги на научные исследования, не обещающие немедленной выгоды или не вписывающие в современную систему глобальных рынков, найти свое место в мировом разделении труда, то есть удерживать на своей территории отдельные звенья производственного процесса, отдав все остальные его элементы на аутсорсинг. Ни в коем случае не расходовать средства, хоть государственные, хоть корпоративные, на осуществление каких-то глобальных проектов, поскольку такие проекты содержат неоправданно высокие риски и ничего не дают «простым людям». Жить во имя настоящего, не сосредотачивая свои усилия на Будущем.

Все это правильно, но лишь при условии, что кто-то, *кому вы полностью доверяете*, удерживает рамку целого и конструирует глобальное Будущее приемлемым не только для себя, но и для вас. Причем контролировать этого «кого-то» вы не можете и полностью зависите от его доброй воли. Научные исследования у вас фрагментарны и полной картины не образуют, поэтому самостоятельно сыграть на неожидан-

но возникшем новом поле вы не можете⁴. Еще хуже обстоит дело с традиционно дорогими, да еще требующими производственной базы НИОКРами. Ваша экономика включена в чужие производственные цепочки и может быть быстро перестроена только по чужим чертежам. У вас нет для будущего никаких наработок.

Зато *сегодня* ваша экономика эффективна, *сегодня* вы вписываетесь в мировой порядок и *сегодня* вы пользуетесь уважением его лидеров.

В Ветхом Завете на этот счет есть целая глава – про Исава, Иакова и прагматически полезную чечевичную похлебку.

Здесь нужно иметь в виду, что мировая система и те, кто ей управляет, могут вписать вас в неприемлемое для вас будущее даже не со зла. Во-первых, *«пряников сладких всегда*

⁴ «Еще за 3–5 лет до взрыва двух атомных бомб, приведших весь мир в ужас, в учебниках химии, в специальных энциклопедиях можно было прочитать, что “получение чистого металла до сих пор практического значения не имеет”; “элементарный (т. е. металлический. – В. С.) уран практического применения не имеет...”” (<http://www.kamuchki.ru/uran.html>). В этом вся суть: чтобы быстро развернуть атомный проект, мало было иметь организационный ресурс в виде армии, госбезопасности, Лаврентия Берии и т. д. Нужно еще, чтобы какое-то количество химиков годами занимались никому не интересными соединениями урана и получали бы на это деньги и другие необходимые ресурсы. Можно было бы привести менее тривиальный пример из химии редкоземельных элементов, которые «вдруг» оказались крайне востребованными в полупроводниках и оптике. Аналогичные истории есть в биологии, медицине, кибернетике. В конце XXI века в таком же контексте будут упоминать лингвистику, историю Мезоамерики, теорию чисел, эволюционное дерево членистоногих и материалы Первого Константинопольского Собора.

не хватает на всех», а в серьезный кризис – тем более. Во-вторых, они могут просто ошибиться.

Хороший пример: политика ограничения рождаемости в КНР. Разработали ее европейские специалисты, опираясь на собственный практический опыт, ничего плохого народу Китая они не хотели и были глубоко убеждены, что так будет лучше для всех, а для китайцев в первую очередь. Прошло лет тридцать пять – сорок, и Китай неожиданно столкнулся с проблемой прогрессирующего старения населения. Собственно, Европа с ней тоже столкнулась и тоже не знает, что теперь делать. Но, в европейских странах давно выстроена индустриальная экономика и работающая (хотя со скрипом и на последнем пределе) пенсионная система. А в Китае индустриализировано побережье и, более или менее, Маньчжурия. Остальная территория страны остается крестьянской, о пенсиях там никто ничего не знает. Раньше это не составляло никакой проблемы, поскольку китайские крестьянские семьи традиционно велики, а забота о матери и отце в Китае – религиозная обязанность и нравственный долг. Но теперь-то в семьях один ребенок, который прокормить себя, свою собственную семью и обоих старых родителей физически не в состоянии. Если же платить крестьянам пенсию, система социального обеспечения прекратит существование. Понятно, что в перспективе эта проблема будет только усугубляться, хотя уже сейчас непонятно, что с ней вообще можно сделать. На конференции в Люцерне девушка, представляющая ки-

тайскую прогностику, сказала только: «Нам еще далеко до уровня жизни развитых стран, но по уровню старения населения и демографической нагрузке мы уже обогнали Бельгию и Голландию»...

В данном случае речь идет о локальной ошибке управления Будущим ценой всего около полутора миллиардов человек.

Гораздо выше может оказаться цена просчета, допущенного мировыми элитами в связи с нарастанием дисбаланса между потреблением и производством всех форм энергии. К серьезным неприятностям может также привести опасная уверенность Всемирной Организации Здравоохранения, что ей точно известно, что необходимо для здоровья человека, а что для него опасно и вредно.

Мир глобализован настолько, что разнообразие образов жизни людей резко сократилось. Поэтому любая допущенная ошибка приобретает всеобщий характер. Кроме того, эта ошибка, один раз «прописавшись» в системе глобальных рынков, уже не может быть быстро исправлена.

Например:

«Председатель Европейского комитета по промышленности, исследованиям и вопросам энергетики, член Европарламента Герберт Ройль (Herbert Reul) в интервью гамбургской газете Die Welt пообещал сделать все, что окажется

в его силах, дабы отменить запрет на продажу ламп накаливания, действующий с 2009 года. Парламентарий призывает Еврокомиссию незамедлительно отменить действующие нормы и задуматься – не стоит ли, напротив, запретить торговлю пришедшими на смену привычным лампочкам энергосберегающими лампами, которые получили торговое наименование “экономичных”. К Ройлю присоединилась вице-президент Европарламента Сильвана Кох-Мерин (Silvana Koch-Mehrin), рекомендуя вновь позволить продавать опальные лампы хотя бы частникам и не превращать под видом охраны окружающей среды опасные спецотходы в источник света.

Федеральное ведомство по охране окружающей среды в начале декабря распространило информацию о вреде здоровью человека, который может нанести содержащаяся внутри энергосберегающих ламп ртуть. Ведомство представило данные актуального исследования, согласно которому, если энергосберегающую лампу по неосторожности разбить, то концентрация ртути в помещении в 20 раз превысит допустимые 0,35 микрограмма на кубометр воздуха. Не решен и вопрос с утилизацией отслуживших отведенный срок энергосберегающих ламп: должной инфраструктуры для их сбора не создано, и большинство содержащих опасную ртуть “экономок” закончит свой век на обычных свалках, где им не место. Кроме того, при расчетах энергосбережения не учтены энергозатраты на производ-

ство энергосберегающих ламп и их должную утилизацию: они значительно выше, чем при создании обычной лампы накаливания, и практически сводят на нет ожидаемую экономию энергии. Кстати, “РГ/РБ” оказалась одним из немногих СМИ, которые указывали на эти проблемы еще до введения запрета.

Традиционные лампы накаливания мощностью 100 ватт запрещены к продаже на территории Евросоюза с сентября 2009 года, 75 ватт – с сентября 2010-го. В сентябре 2011 года настанет черед 60-ваттных – наиболее широко распространенных лампочек. До осени у брюссельских чиновников еще есть возможность доказать, что они не зря проедают миллионы налогоплательщиков. В том, что долго разгорающаяся и вяло светящая унылым зеленоватым светом “экономка” хорошей быть не может, не слишком подверженный атакам маркетологов потребитель особо не сомневался. Теперь же, если ориентироваться на многочисленные сообщения на немецких интернет-форумах, он и вовсе уверен: преданные экологической анафеме за высокое потребление энергии привычные лампы накаливания и неторопливо сменяющая их несуразица – ловкая афера. И если в ближайшем будущем тому же интернет-порталу WikiLeaks захочется опубликовать секретную информацию о сговоре европейских чиновников с разработчиками и производителями энергосберегающих ламп, это станет не столько сенсацией, сколько подтверждением наших худших подозрений» (<http://>

artlight.ru/ index.php/actionsvetilniknews/newsidsvetilnik141/).

Вернемся к всемирной медицине. Существует ясная позиция ВОЗ в отношении детских прививок, в России ее активно транслирует Г. Онищенко: *«Всех российских матерей следует лишить права отказываться от вакцинации своих детей. (...) Также он назвал такие действия отказа “преступными” . Эту идею поддерживает и уполномоченный РФ по правам ребенка Павел Астахов»* (<http://news.rambler.ru/8674550/>). *«Госдума еще летом обсуждала проект закона “Об охране здоровья граждан” , где отказ родителей от вакцинации ребенка приравнивался практически к уголовно наказуемому деянию»* (<http://www.ua.ua.info/news/8597.html>).

Казалось бы, все правильно. Только вот есть две тонкости. Первая общеизвестна: прививки часто инициируют аллергические заболевания, бороться с которыми современная медицина толком не умеет. Конечно, эти заболевания не смертельны и могут рассматриваться как «легкие неудобства», но, например, могут серьезно сузить диапазон профессий, доступных ребенку в будущем. Гораздо более значима вторая проблема. Прививки в раннем возрасте стимулируют специфический иммунитет ценой ослабления неспецифического. Иными словами, ребенок не заболеет теми болезнями, от которых он привит, но ценой некоторого повышения вероятности подцепить другие инфекции. В принципе, это совершенно стандартная задача по теории вероятностей,

и давно подсчитано, что при естественных предположениях об эпидемической обстановке математическое ожидание положительно: средняя продолжительность жизни у привитых детей будет чуть больше.

А если санитарная обстановка не окажется ненормальной? Скажем, из-за роста солнечной активности и повышения увлажнения Великой Степи какой-нибудь до сей поры безопасный штамм мутирует, как это уже неоднократно случилось в истории, и в Европе вспыхнет серьезная эпидемия? Не окажется ли в этом случае поголовная вакцинация детей критической дополнительной нагрузкой на иммунную систему?

В прежние времена разобщенности мира одни страны и регионы прививки делали – и «выигрывали» почти всегда. Другие – не делали, поскольку не умели, не хотели, считали бессмысленным или религиозно недопустимыми. Они почти всегда «проигрывали» – жили меньше и хуже. Но существовали ситуации, когда именно их «стратегия отказа» оказывалась наиболее адекватной.

Упрощая мир, мы снижаем вероятность локальных проблем, провоцируя глобальную катастрофу. Биологическая продуктивность возделанного поля выше, чем у естественного биоценоза. Но экосистема поля крайне уязвима в отношении внешних воздействий и без непрерывного человеческого труда существовать не может. В известном смысле, глобализация превратила все Человечество в аналог такого вот

«возделанного поля». «Человечество жило долго и счастливо и умерло в один день».

Прогностика в геопланетарных координатах

Для прогностики это означает, во-первых, необходимость постоянно учитывать самый внешний – планетарный – масштаб исследования. Сегодня «форсайт Украины» так же бессмысленен, как и «глобус Украины». Во-вторых, нужно принимать во внимание, что в условиях глобализации разных Будущих, реализующихся одновременно, очень и очень немного, скорее всего – одно. В середине прошлого столетия ситуация выглядела по-другому. Каждый «мир-экономика» имел свое собственное Будущее и на чужое не претендовал. А еще раньше, в начале века, даже внутри одного мира-экономики могли быть реализованы совершенно разные модели Будущего, обладающие, конечно, какими-то сходными чертами, но во многом различные. То есть можно было бы конструировать изолированное «Будущее для себя» под лозунгом «не трогайте меня, и я вас не трону».

Сейчас такой возможности нет. Любое локальное социальное конструирование затрагивает какие-то глобальные интересы. Равным образом, нет такого уголка Земли, куда не проникнут изменения в «большом мире».

Все это превратило Будущее в крайне дефицитный ресурс, за который сегодня идет жестокая конкуренция.

Планетарный масштаб исследований конструирует и удерживает три системы представлений (рамки) – геополитическую, геоэкономическую и геокультурную.

Все они носят экологический характер, то есть представляют собой форму «упаковки» связной группы понятий, относящихся к фундаментальным и прикладным научным дисциплинам, описаниям технологий (в том числе гуманитарных), а также процессам любой степени искусственности, если эти понятия могут быть сведены или развернуты к воспроизводству среды обитания.

Исторически наиболее известен геополитический подход. С формальной точки зрения, геополитика изучает физико-географическую, экономико-географическую, расово-антропологическую, культурно-конфессиональную, семантическую и, наконец, цивилизационную обусловленность динамики международных отношений, мировой торговли и мировых онтологических систем. В наиболее узком смысле геополитика – это борьба за владение ресурсами, под которыми понимаются территории, люди, полезные ископаемые. Геополитическая борьба по сути своей есть война – горячая или холодная, тайная или открытая, ограниченная или глобальная.

Карибский кризис продемонстрировал ограниченность и рискованность геополитической картины мира. С начала 1970-х годов она дополняется, затем заменяется, а сейчас подменяется картиной геоэкономической. Геоэкономи-

ку можно описать как раздел науки, описывающий формальную зависимость экономической жизни от географических условий. В настоящее время предметом геоэкономики считаются малоизученные реалии современного глобализованного мира, а именно:

- новые системы управления экономическими процессами;
- новые субъекты принятия решений;
- новые формы организации целостностей.

Если геополитика и следующая за ней военная стратегия оперирует узким сегментом реальности, то геоэкономика и порожденные ею стратегии развития пытаются описать современный сложный мир как целостность, что подразумевает переход к «новым штабным картам». В сущности, «геоэкономика» – красивый термин, придуманный для обозначения нового качества, описание которого отсутствует в языке.

Современные геоэкономические представления оперируют понятиями глобальной экономики, мирового дохода и «ренды развития». Создание единого геоэкономического универсума привело к обобществлению глобального долга и превращению его в один из механизмов перераспределения мирового валового продукта.

В узком смысле геоэкономика подразумевает реорганизацию мировой логистики и установление контроля над потоками ресурсов, причем в языке геоэкономики к ресурсам от-

носятся прежде всего финансы, затем кадры (квалифицированная рабочая сила) и в самую последнюю очередь – критические природные ресурсы.

Развитие глобализации и прежде всего рост миграции и возникновение «экономики ремитанса»⁵, существующей вне мировой финансовой системы, поставили вопрос о пределах геоэкономического мышления. Если геополитический подход порождал перманентный риск мировой войны, то геоэкономический – создавал риск потери национальной идентичности и утраты культурных кодов, то есть, в конечном итоге, размонтирования привычной нам цивилизации. Понятно, что после 11 сентября 2001 года возникла тенденция к отказу от сугубо геоэкономического восприятия мира в пользу более сложного геокультурного мышления. Геокультура, по Валлерстайну, – это *культурное основание господствующей миросистемы*, совокупность культурных кодов, способность развивать и удерживать эти коды, неизмеримая историко-культурно-национальная уникальность, лежащая в основе наблюдаемой и измеримой идентичности.

Геокультура отвергает как идею разобщенного границами

⁵ Ремитанс – финансовый механизм, построенный на том, что трудовые мигранты переводят часть заработанных ими за границей денег своим родственникам в страну рождения. Для ряда стран (Филиппины, Бангладеш и др.) совокупный валютный баланс ремитанса существенно превышает государственный бюджет, а иногда и всеобщий валовой продукт. Как правило, для денежных переводов мигранты используют не международные финансовые инструменты, а социальные сети и механизмы личных обязательств и договоренностей.

геополитического «военного мира», так и концепцию глобализованного геоэкономического «финансового мира»: *«не существует пути, двигаясь по которому, могли бы одновременно развиваться все (или хотя бы многие) страны».*

В узком смысле геокультура представляет собой со-конкуренцию различных, иногда противоречивых, образов мира и удержание за собой инструментов, позволяющих управлять такими образами.

Несколько упрощая, можно сказать: геополитика – это воспроизводство ресурсной среды обитания, и это наше «вчера». Геоэкономика восстанавливает экономическую среду обитания, это наше «сегодня». Геокультура – инструмент завтрашнего дня, позволяющий реконструировать культурную (информационную) среду.

Единство геополитического, геоэкономического и геокультурного подхода задает геопланетарное пространство и формирует экологические представления о действительности.

Прогностика должна учитывать геопланетарную рамку, но прямо и непосредственно применить ее не представляется возможным, поскольку экологический подход отрицает всякие спонтанные или хотя бы эволюционные изменения в системе, если такие изменения порождают новые связи, новые сущности, новые структуры.

В этой связи представляет интерес понятие «эволюгия», «упаковывающее» идею развития во всех его известных

формах. Эволюционный и экологический дискурсы можно рассматривать, как взаимодополняющие альтернативы. Эволюция относится к экологии, как эволюционная биология к биологии биоценозов. Другими словами, можно рассматривать эволюцию как обобщение экологического подхода, переход от статики к динамике.

Тогда геополитике, оперирующей существующими ресурсами, будет соответствовать эвополитика, которая работает с ресурсами в их динамике, то есть рассматривает изменение статуса ресурса, обесценивание ресурса, возникновение нового ресурса. Эвополитика остается военной дисциплиной, как и геополитика, с которой она связана генетически. С точки зрения прогностики реальное содержание эвополитики заключается в том, что она рассматривает само Будущее как дефицитный и значимый ресурс и конструирует механизмы войны за приватизацию и удержание этого ресурса.

В эвополитике мы воюем за ресурс Будущего, потому что он придает смысл всем остальным ресурсам, являясь «всеобщим ресурсным эквивалентом», но не в пространстве, а во времени. Другими словами, контролируя Будущее, вы можете сделать свои ресурсы ценными и конвертируемыми, а все остальные – обесценить или даже придать им отрицательную ценность. Так, огромные размеры российской территории с развитием индустриальной фазы начали утрачивать свою ценность, а в эпоху глобализации утратили ее окончательно. Но в логике эвополитики можно сконструировать та-

кое Будущее, в котором российские просторы вновь приобретут значение ключевого ресурса.

Аналогично, эвоэкономика имеет дело с изменением потоков, реструктурированием хабов, управлением логистикой, эволюцией экономических и финансовых систем. Эвокультура изучает механизмы создания, трансформации и уничтожения культурных кодов, техники взаимодействия таких кодов между собой, интеграцию и соподчинение уникальностей.

Эвопланетарное пространство задает три ключевых для прогностики вопроса:

- Почему мы должны воевать за ресурс Будущего? (Эвополитический подход.)
- С кем нам придется конкурировать на рынке Будущего? (Эвоэкономический подход.)
- Как, последовательно трансформируя свои и чужие культурные коды, построить приемлемое совместное Будущее? (Эвокультурный подход.)

Эвопланетарная «рамка» позволяет нам предварительно расставить игроков на мировой прогностической «доске».

Единственным глобальным игроком являются *Соединенные Штаты Америки*. Как мировой гегемон и последняя из великих земных империй, они воюют за ресурс Будущего в пространстве гео- (эво-) политики. Как организатор глобализации, творец, владелец и протектор современной финан-

совой системы, США монополизировали рынок образов Будущего и будут удерживать его всеми возможными способами. Как страна, имеющая уникальный опыт геокультурной агрессии и инструменты этой агрессии (Голливуд – самый известный из них, но отнюдь не единственный), они активно вкладываются в защиту своей уникальности и в трансформацию культурных кодов потенциальных противников и союзников.

Значимыми эвополитическими игроками являются также *Китай* и *Индия*. Понятно, что по мере завершения индустриальных преобразований эти страны распространят свою активность также и в области эвоэкономики и, возможно, эвокультуры. Только вот успешно завершить промышленный переворот им, скорее всего, не дадут.

Европейский Союз владеет таким важным ресурсом, как опыт планомерных и успешных геокультурных трансформаций. Он, естественно, значимая сила на эвокультурном поле, не следует упускать из виду и его возможности в сфере финансов. Проблема Евросоюза, которая не позволяет ему приобрести статус глобального игрока, это чрезмерная «экологичность». Здесь имеется в виду и приверженность лидеров ЕС к охране природы во всех ее видах и формах, и опасный крен в сторону «геопланетарности» вместо «эвопланетарности».

Япония при Д. Коидзуми претендовала на некоторую «глобальность», правда, региональную. Японская програм-

ма борьбы за Будущее – единственная, имеющая формальный статус государственного документа, – опиралась на опыт эвокультурных преобразований (Реставрация Мейдзи и послевоенные преобразования), память о существовании в форме империи, технологическое превосходство и устойчивые финансы. К счастью или к несчастью, но весь японский проект, судя по всему, держался на одном человеке. Так бывает.

Свои карты есть на руках у Канады, Ирана, Бразилии, Малайзии, Норвегии и Финляндии. Исландия и Ирландия понесли катастрофические потери в мировом экономическом кризисе 2008–2010 года, но возможности для игры в пространстве версий Будущего сохранили. В конце концов, именно об Исландии американский писатель Элиот Уайнбергер сказал: *«Идеальное государство на земле уже создано, просто не все обратили на это внимание»*, а Ирландия представляет собой единственный в мире «творческий оффшор» – страну, где с творческой деятельности не взимаются налоги. Можно сказать, что Исландия и Ирландия сражаются за ресурс Будущего, не создавая стратегии и планы, а конструируя привлекательные жизненные форматы.

Есть еще государство Израиль и частично связанный с ним, а частично безразличный или даже враждебный ему мировой еврейский проект. *«Вы читали Библию? Нет, мы ее писали»*. Можно по-разному относиться к «мировому сионизму», но отрицать его участие в конкурсе версий Будущего

щего, по-видимому, не решится никто.

Остался один вопрос, ему и посвящена книга. Какие основания у России быть игроком на мировой прогностической «доске»?

Семантическое управление через Игры

*Если, путь прорубая отцовским мечом,
Ты соленые слезы на ус намотал,
Если в тяжёлом бою испытал, что почем,
Значит, нужные книги ты в детстве читал.*

В далекие времена школьники читали многие книги, зачитывались стихами, фантастикой, «Химией и жизнью». Они пели про это под гитару, создавая фон, тон и звон. Колокол звонил на весь Космос, и мы, советские, даже держались в битве за него до последнего. А потом как-то так получилось, что американцы высадились на Луне. И первая развилка «здесь нечисто играют» закралась в душу и поселилась там. Единство треснуло по самой верхней грани. Грани Онтологии, грани Цели, грани Будущего. То есть истончилось понимание: во имя чего вся эта жизнь? Потом появилась импортная мебель и общественные места, куда можно было сходить и прожечь жизнь. Почти сразу показались, пусть и бочком, большие деньги, и встала необходимость тратить на них то время, которое можно было валяться на диване, сидеть в метро или в парке с книгой. К этому времени как раз умерли ученые Шурики в очках из старых со-

ветских фильмов. И спортсменки-комсомолки. Им на смену пришли «Зимние вишни» и «Крепкие орешки». *Рабство – это не когда есть рабы, рабство – это когда кончаются свободные.* «Гравитацией» Дж. Уилера стали украшать полки кабинетов в память о былом переживании чего-то Большого и Бесконечного. Ускорилося потребительское созревание. И половое. На сломе времен игры подобрали знамена и неуклюже встали на место книг. Почему неуклюже? Потому что, воображая героев сквозь текст, мы делали это сами, без подпорок, и рисовали полный континуум реальностей, становились квантовыми наблюдателями хоть на миг. А в игре мы проживаем одну реальность, зато глубоко – иногда больно и голодно в дождливом лесу и в неудобном доспехе от «наспеха». Вся это игровая эпопея имеет отражение в мире Взрослых – здесь тоже сценирование может быть дискретным от заказчика и континуальным от Бога. Те, кто владеют континуальным, у нас в стране еще читают книги и организуют игры. Они создают культуры игровых песенок про разные полезные миры, которые включают войну, стратегию, честь, созидание, творчество, то есть – игру с большой буквы. Они хотят построить тоннельные переходы между мирами и остановить размонтирование континуума. И не успевают. Они наши друзья. Наши союзники. Наш шестой легион. Те, кто играет в наши игры, имеют сценарий, отличный от траектории усредненного социума, и тоже выигрывают по отношению к обывателям, которые не играют, не читают и

не подключены к свету обобщенной мысли. То есть не знают пользы своей. Их большинство. Анекдот: «Джон, мы богаты!» – про двух ковбоев и скальпы преследует нас. Разночинцев не любят и элиты, и народ. Мы – переходные. Из мира индустриального в мир когнитивный. От лампочки Ильича века революций к энергоизбыточным «светлым векам». Понятно, что на границе перехода лежат энергосбережение, устойчивое развитие и прочее раскачивание вагона. Так называемый постиндустриальный барьер. Пробовали работать, обожравшись? То-то же... Вот и перепотребление подходит к своему пределу, и нужно отрывать попу от привычного мягкого и кондиционированного мирка и ставить цель. И тут начеку фундаменталисты, которые знают одну цель – свою! Основное противоречие современного мира – между фундаменталистами и нормальными людьми. Под нормальными будем понимать тех, кто находит себя в Целом, а под фундаменталистами тех, кто возомнил себя Главной Частью. При этом будем справедливы: нами и ими управляет третья группа. По мнению Оси (в просторечье – Ось зла, наш директор), это Упыри, которые не слышали о целом и частях. Их дело – накручивать на себя кокон из денег, охранников, страховок от всего и в особенности от перемен. Когда к власти пришел Стругацковский обжора, обожающий селедочные головы и с любовью кормимый Выбегаллой, мы не отследили. Это не делает нам чести и заставляет за оную честь бороться. Игровики – наши братья. Интеллигенты из тех, кто не спря-

тался в фундаментализме, – тоже. Нас много, стоящих на страже свободы и познания, но с каждым годом – все меньше. Наш средний возраст в 2010-м – 50 лет. И это потому, что к нам прибились молодые ролевики, которые не догоняют наши ценности, но согреваются от них. Инженерия как основа творчества уходит из жизни. Там средний возраст – 65. На смену изобретениям приходят некие мыслительные упражнения, не выраженные в вещах, приборах и работающих электростанциях. И скоро «красная кнопка» останется единственным символом уходящей эпохи. Зачем нам быть ее сторожами?

Олег Игоревич Генисаретский задает сакраментальный вопрос: вкус – это дело чести, или честь – это дело вкуса? Эта элита скоро уйдет, и мы останемся совсем одни в разных чинах и за все в ответе. Долгой Вам жизни, *Основатели*

Основатель спокойно чувствует себя «*меж этим пределом и тем*», а и то ездит на наши конференции. Спасибо!

Хорошо иметь настоящих философов в своем окружении. Плохо только, что приходит на ум анекдот про фельдмаршала Паулюса: «*Хорошо, когда тебя окружают такие умные, интеллигентные, добрые люди*».

Игры мы используем, как перископ во враждебном море, как инструмент технологического озарения и как тренинг штабных структур. Мы совсем не романтики игры, не рвемся к средневековым стандартам поведения и дракам на деревянных мечах. Поэтому оценку игры ведем по трем позици-

ям – политический прогноз, пропущенные технологии, «дикие» онтологические карты. У нас тысяча девятьсот сороковой год, и нам надо вступить в войну хотя бы немного подготовленными, а то проклятая «Барбаросса» заставит нас отступать до Урала, а Киев мы сдали в предыдущей войне.

Основатели утешают нас, что если раньше войны шли в пространстве географии, то теперь главные битвы – в пространстве истории, то есть стол и кров мы сразу не потеряем. Мы понимаем, однако, что нашу историю, включая ее советский период, очень многим хочется стереть с лица земли. Тем более историю технологическую, в которой много достижений, миром глобализации еще не преодоленных.

Битва идет за место в будущем. Это будущее может быть сформировано вне нашего языка, нашего технологического уклада, наших ценностей. И Космос нам могут запретить, как несостоявшимся исторически...

Но с нами Бог и законы физики. И не оскудела земля русская еще стругацковскими исследовательскими институтами, которые заблудились во времени и пропустили глобализацию и прочие процессы усреднения ума, сердца и воли. Эта книга посвящается сотрудникам ГНЦ НИИАР. И реплики диалогов, взятые из реальных бесед, игр, семинаров, споров и выступлений на конференциях, могут быть известны. Всех акторов нашей борьбы, всех полководцев на местах мы неумело зашифровали. Зачем? А чтоб пиарщики пожали плечами: мол, художественное творчество. Потому что пиар

– это про интересы и выгоды, а будущее – это про развитие и познание.

Книга написана вслед имеющимся и является вторым томом для двух книг – «Мифы Чернобыля» и «Новые карты будущего, или Анти-Рэнд». Ее название связано с тем, что в России обычно два сценария будущего: фантастический и реалистический, причем реалистическим является инопланетное вмешательство, а фантастическим – наша собственная победа. Поэтому надежда на «дикие карты» велика, и время на их конструирование еще не вышло. Под «дикими картами» мы часто будем понимать события, которые подвергают сомнению принципы цивилизации и позволяют заглянуть в иное будущее или построить туда тоннельный переход. Одомашнивание стихийных неравновесных процессов свойственно Европейской цивилизации, и если мы плетемся за ней, то явно стираем историю своего будущего, оказавшись в чужом проекте. Навсегда остаться недоевропой мы и так успеем. С таким будущим РФ согласна Америка, играющая свою игру и предпочитающая покупать союзников и уничтожать конкурентов. При этом евроатлантическая цивилизация, противопоставленная СССР, развивалась куда быстрее, чем сегодня, и это признают даже наши мнимые друзья из НАТО. Увы, те, кому больше 60 годков.

Понимая, что стратегия в России – это всегда эффективная деятельность офицеров вопреки ублюдочным приказам генералов, мы можем «потянуть за середину» и выиграть за

счет возрождения инженерии. То есть мы можем убрать профанацию из ключевых деятельности и вернуть людям цели построения Будущего, а не вычерпывание из него.

Сделать эффективное мышление модным так же просто, как за десять лет сделать модой разговоры по мобильнику. Человечеству нечего делать, оно быстро учится. Эффективность заложена внутри каждого белого европейца, а каждый русский помнит в своем роду хотя бы одного подковавшего блоху на спор. Что нужно? Нужен мобильник. То есть приборчик. То есть инженер, который понимает, как арестовать потребность в форму. То есть мыслитель, который понимает всю систему. Что касается блохи, то это про конверсию от изобретения. Как от Космоса было много толку, измеряемого косвенно. Кто запихнул нас в матрицу: родился – учился – трудился – потребил норму – умер? Нужно выходить, разрушить матрицу и потянуться спросонья к небу. Там услышат! Господь не был против, чтоб мы творили по его подобию. Он нас для этого спас. Наша книга построена на трех китах: энергия, космос, люди. Это три, на наш взгляд, главных ресурса для проникновения в Будущее.

Книга написана с использованием четырех форм: текст, диалоги «фабрики мысли», ход игры, выводы «знаниевого реактора». Главы могут состоять из одной, двух и более частей. Мы считаем, вслед за *Основателем* В. Никитиным и его предшественниками, что мышление живет в промежутках между людьми, и придаем большое значение коллектив-

ным формам мышледействия.

Мы согласны с *Основателем* В. Глазычевым, что сегодня главным коллективным действием в РФ является – уборка в Доме. Мы предполагаем, что А. Вознесенский имел в виду что-то подобное, когда писал, что *«из инженеров выходят дворники, кому-то надо землю мести»*.

Мы признательны *Основателям*: Борису Стругацкому, Владимиру Никитину, Юрию Чудновскому, Александру Неклессе, Вячеславу Глазычеву, Сергею Дацюку, Батыру Элистаеву, Олегу Бахтиярову, Олегу Генисаретскому, Андрею Парибку, Джону Кихаде за их принципы и за влияние, которое они на нас оказали.

Мы благодарны тем, кто идет рядом с нами в борьбе за сценарий Будущего, и друзьям, которые спорят с нами во имя эффективности наших действий.

Состав же «генералов урановых карьеров» останется тайной для вас, как это было бы в любой армии, готовящейся к наступлению.

С. и Е. Переслегины, январь 2010 года

«Дикая карта» № 1

Сыграть бы с Винджем за выход к последнему морю...

Жил-был американский математик Вернон Виндж. Был он, как пишет интернет, школьным учителем и писал фантастику дальнего прицела. Причем не то чтобы сразу стал талантливым и читаемым, а как раз наоборот, как многие инженерно-мыслящие,

писал сначала полную ерунду, неуклюже втапливая в рассказы умище свой геополитический. Ну, с нашими, российскими писателями четвертой волны тоже такое было. На сломе времен писали они, что думали и предчувствовали, пока другие приватизировали и убивали. Незавидный жребий! Экономика стала экономной, и их приличные в начале перестройки гонорары как-то приблизились к «средним по больнице».

У Винджа цивилизация оказалась крепче к кризисам. Американская. Они, гегемоны, сами кризис делают всему миру и потом «ставят и ставят им градусники» в виде Доу-Джонса и Насдака, и падает температура планеты Земля почем зря.

Вернон Виндж, однако, не погиб от каверз перепотребления постиндустриального мира и не расстроился снижением познавательной активности учеников своих, а вышел на просторы творчества в той области, где разве его коллега Д. Симмонс что-то писал.

И этого ему показалось мало. Он решил прописать мир собой, а для этого понадобилась команда. Так как в деловом мире все стоит денег, то мы и имеем курс прогностики за деньги, приравненные к одному импортному автомобилю... Все законно. Интеллектуальный труд должен быть оплачен. А про Зальцбургский семинар только слухи ходят, что, мол, культуроцентричное образование Европы. Где теперь та Европа? Дубровник не отстояла! В общем, в нише когнитивных проектов окопался писатель-фантаст с

командой одиночайтелей. Да еще математик! То есть, в крайнем случае – он нас посчитает, как в том мультике. Одно хорошо: мы его уважаем, он нас найти не может, так что мы квиты и сражение за *иновое* начинаем в равных позициях.

Часть 1

Вместо Будущего

Русская онтологическая школа в Димитровграде, август 2010

Диалоги по дороге:

– Был бы Царъград, щит с тезисами прибили бы к вратам!

– Ну, за неимением гербовой – пиши на простой! У современных корпораций нет врат, если фискальный телефончик нам не подойдет...

– Для российских протестантов свойственно превращать слова Библии в прямое действие, а инженерам слабо?

– Инженерам не слабо, у них на каждого инженера по пять менеджеров с удушающими процесс бумагами...

– А все-таки хочется взять мир окружающий в долг под проценты...

– Понятно, что тебе хочется получить результат не на бумаге, а прямо в обществе...

– А ты подвинься на край ущелья и вниз бросайся, быть может, крылья тебя подымут...

– Не на край ущелья, а на край барьера тогда уж... А

крылья информационные у нас в следующем году по плану...

– Мечты по плану не бывает!

– Бывает, если это план Шлиффена.

Тезисы русской онтологической школы, август 2010, день первый

1. Современная система знаний не отвечает амбициям и вызовам человеческой эволюции. Когнитивный мир, мир Разума нельзя построить, если в обществе нет мыслительного слоя и нет трансляции мысли в остальные слои.

2. Мыслительный слой или «сеть осмысленных меньшинств» по В. Л. Глазычеву – основание для продвижения РФ вперед, текущее безмыслие и догматизм – отступление к началам индустриальной фазы, тоталитарному режиму правления, дефициту сырья, энергии, инженерных знаний.

3. Работа с мыслительным слоем должна вестись по четырем направлениям: знаниевые фокусы – новые образовательные примитивы для всех, создание сетевых негосударственных мыслительных элит – **ОСНОВАТЕЛЕЙ**, заявление новой методологии взамен исчерпавшего себя проекта СМД, построение архивов – монастырей инженерного знания.

4. Формами работы являются: онтологические школы, конференции единомышленников на территориях, желающих научения, встречи и работа в рамках «фабрик мысли», знаниевые машинки, дистантные курсы Основателей, создание всероссийской детской сетевой структуры Полгалактики

и всемирной Детской Ядерной Академии.

Дорогой читатель!

«Зачем тебе горькие истины, что ты будешь с ними делать?» (с)

Первая часть нашей повести о том, как вытащить «джокера» из неполной колоды карт, начинается с описания мира, в котором мы с тобой живем, любим, работаем, творим и умираем. Эта та самая «Темза, сэр!», которая уже случилась с нашей цивилизацией. В этой части мы не будем побуждать тебя к действию, молить об участии в нашем общем безнадежном деле и вменять принципы достойного поведения «на последнем берегу». Это просто текст. «Знак о себе, и все».

Глава 1

Бег с барьерами

Прелюдия: мировой финансовый кризис 2008–2010 гг. в среднесрочной перспективе

Семинар

Никого из нашей компании кризис особенно не испугал. Во-первых, мы его предсказали и даже поплатились за это – год ходили в идиотах, во-вторых, нас, как ту Грузию, – «никто найти не может», ввиду малых оборотов наших финансовых средств. Поэтому условной целью семинара мы назвали формулировку тезисов, и, если их наберется «в количестве», то прибьем их на виртуальную доску объявлений о сдаче планеты вместе с человечеством в аренду каким-нибудь разумным гуманоидам.

Умник: Современная модель экономики позволяет либо создать почти любые деньги из воздуха либо похоронить такие же деньги. Что-то не так в консерватории... Капиталу-капиталу, а обернуться вокруг оси быстро не удастся.

Программист: Раньше деньги хотя бы были первым интегралом. Понятный пример: открыл рудник – увеличилась стоимость, не открыл – не увеличилась, далее у Маркса был, по крайней мере, ковариант, а теперь осталось нечто аморфносубъективное... и мне не с чем работать, кончилась субстанция.

Умник: Решить другую проблему – найти, откуда берутся деньги, – можно. И вот вам называется знаниевый капитал, социальный капитал, репутационный капитал, как мера капитализации чего?

Психическая: НИЧЕГО!

Умник (присоединился к психической, и непонятно кто из них это говорит):

– То есть пришлось изобрести большое динамо с гробом Маркса, вращающегося внутри с огромной скоростью.

– Раба научили и снова продали. Это экономика. Это понятно. Подготовка аналитика и сегодня денег стоит... Заказчику понятно – сколько.

Проснулся (это человек, а не глагол, уважаемый член семинара): НО!!! Раб не является субъектом, он и есть орудие труда, и совершенно нормально, что вы с его помощью создаете Капитал. Но если орудие труда является субъектом и получает права субъекта, то получается сегодняшняя экономическая беда... Сегодня у нас есть политэкономика классического капитализма, есть что-то осколочное от социализма, по крайней мере память про КЕПС и ГОС-

ПЛАН, но здесь и в то время, в которое мы живем, – экономики нет.

Умник (опять присоединился к психической):

– Почему не падает Америка?

– «Авантюристы» описывают новую экономическую реальность в старых терминах, производительность труда в США вечно падает, но ничего страшного не происходит...

– А как мы ее считаем? Производительность ту? А может, подход не работает? Может, мы неправильно делим?

– Он бессмысленный клерк – это хорошо или плохо? Он орг (организатор) 80-го уровня – это может быть стратегическая фигура, фокус, локус, джокер, наконец? Может, его производительность считать по-другому?

– А этот на окне сидит, ворон считает, он раз в год дуем? Его производительность какая?

– Еще пример: купил сукно за доллар за метр, рубашку продал по доллару за метр... В чем фишка? В том, что купил дешевле где-то на окраине и продал сам себе за доллар. Рост капитализации и т. д. Необходимо продуктивное рассматривание свар между сторонниками и противниками Авантюриста... В этом смысле возможно изучение разрывов – о чем они спорят... Что меряется не так? (Просьба участникам семинара посмотреть полемику и найти разрывы к 22 февраля.)

В начале 2008 года было модно говорить об успехах гло-

бализации, о перспективах расширения ВТО, о совместных усилиях стран «восьмерки» по преодолению нехватки электроэнергии (разумеется, в развивающихся странах), о прогрессе новых технологий. Господствовала концепция устойчивого развития мира, и если что-то и омрачало настроение политикам и политологам, так это «мировой терроризм», борьба с которым оказалась долгой и малорезультативной.

К концу года тональность выступлений меняется на противоположную: газеты, телевидение и Интернет говорят о перманентном экономическом кризисе, политической нестабильности, нарастающих социальных проблемах. Эксперты сравнивают ситуацию с 1929 годом и прозрачно намекают, что худшее впереди.

Сегодня, в начале 2011 года, СМИ постоянно поминают календарь Майя и говорят о «конце света», причем в центре внимания оказываются уже не проблемы ипотеки, не крах мыльного пузыря недвижимости, а продовольственная безопасность. Иными словами, речь идет уже не о трудностях виртуализированной экономики, а о проблемах выживания. Настроения в экспертном мире довольно подавленные, тем более что и сам этот кризис, и динамика его развития оказались для евро-американского интеллектуального сообщества полной неожиданностью.

Еще летом 2008 года о нарастании проблем в мировой экономике позволяли себе говорить только полные маргиналы. Сейчас, напротив, только полные маргиналы сомневаются.

ся в необходимости принятия самых крайних мер для борьбы с кризисом. Экспертное сообщество оправдывает повышение пенсионного возраста, отказ от ряда социальных обязательств, массовые увольнения, повышение реальной нормы эксплуатации⁶. Шараханье из одной крайности в другую свидетельствует, конечно, о непонимании содержания процессов, которые на наших глазах разворачиваются в глобализованном мире. *«Философствование без системы не может иметь ничего научного, поскольку не только выражает субъективное умонастроение, но еще и случайно по своему содержанию»*⁷.

Мы предсказывали ипотечный кризис (кризис деривативов, производных ценных бумаг⁸) несколько лет назад, хотя

⁶ В РФ речь шла о законодательном разрешении шестидесятичасовой рабочей недели. Правда, впоследствии Союз Промышленников и Предпринимателей заявил, что «их не так поняли».

⁷ С. Аверьянов

⁸ Финансовые инструменты называются «производными», если их цена зависит от изменения цен на другие активы (нефть, золото, акции и т. и.). Деривативы подразделяются на фьючерсы (форварды), опционы и свопы. Фьючерсные контракты прямо зависят от будущих цен базовых активов и обязательны для обеих сторон. Опцион является обязательным к исполнению для продавца, но не для покупателя, который имеет право реализовать опцион или приобрести продукцию по рыночной цене. Другими словами, опцион является формой страховки на случай резкого колебания цен на рынке. Своп представляет собой форму обмена финансовыми обязательствами, то есть «дериватив дериватива». (<http://www.option-trade.ru/index.htm>, <http://www.currency-trading.ru/fxread32.htm>). Заметим, что существуют совершенно экзотические формы деривативов: напри-

относили его начало не на осень 2008 года, а на зиму 2009 года. Мы считали, что американцы предпочтут «создавать впечатление гармонии» вплоть до дня президентских выборов, а там рукой подать до Рождества и инаугурации, омрачать которые взрывным ростом экономических проблем неправильно и нецелесообразно. Поэтому ипотечные трудности будут «заметаться под ковер» где-то до конца января. Потом, конечно, проблему отрыва деривативной экономики от реального производства придется решать, и решать через кризис, потому что другого способа переустройства экономики ни-

мер, квоты на парниковые газы представляют собой вид свопа, обменивающего сегодняшние финансовые обязательства на экономические последствия климатических изменений в неопределенном Будущем. Менее очевидно, обязательства сторон по венчурному финансированию являются разновидностью опциона. Строго говоря, сами ценные бумаги (акции, кредитные обязательства, векселя и т. и.) должны рассматриваться как деривативы первого порядка, цена которых определяется стоимостью базовых активов. Тогда фьючерсы, форварды и опционы являются деривативами второго порядка, а свопы – третьего. В принципе, можно спроектировать и пустить в обращение дериватив любого порядка (например, придумав форвард на своп). Проблема заключается в том, что начиная с какого-то момента «хвост начинает вертеть собакой»: уже не изменение цен базовых активов определяет цену дериватива, а, напротив, колебания цен деривативов изменяют цену базового актива. В результате привязка деривативов к материальным активам утрачивается: виртуальная экономика отрывается от реальной, причем со временем суммарный объем виртуальных активов начинает «в разы» превосходить объем активов материальных. Приходится вводить совершенно искусственные экономические конструкции типа «человеческого», «знаниевого», «репутационного» капитала, искусственно придавая им статус реальных активов. Когда все возможности искусственно поддерживать высокие цены производных ценных бумаг полностью исчерпываются, начинается экономический кризис.

кто пока не придумал.

Скорее всего, так бы и получилось, если бы не события в игрушечном закавказском государстве на самой границе глобализованного мира.

«Дикая карта» № 2

08.08.08: Осетинская война

Грузия имела опыт независимого существования. При царице Тамаре она даже относилась к числу великих региональных держав. Грузия через ряд значимых фигур, не последней из которых был И. Сталин, была включена в мировую историю. Грузия обладала конвенционально признанной культурой. Страна не была обделена и природными ресурсами – от теплого моря и богатого бухтами побережья до рудных ископаемых и минеральных источников, от посевов зерновых до виноградников, пользующихся всемирной известностью. После распада СССР на территории Грузии остался ряд промышленных предприятий, в том числе – оборонных, и развитая военная инфраструктура. Наконец, в советское время банковская система всего Закавказья была ориентирована на Тбилиси, то есть формирование собственных финансов проходило в независимой Грузии в благоприятных условиях.

Так-то оно так, но сразу же выяснилось, что воспользоваться накопленным потенциалом сколько-нибудь разумно правители Грузии не способны. Оказалось, что за столетие промышленного переворота

в Российской Империи и за семьдесят лет советской власти грузины не осознали себя единым народом, и как только давление сверху ослабло, Грузия сразу же превратилась в конгломерат кланов и народностей. Центробежные процессы привели к отделению от собственно Грузии Абхазии и Осетии, и невооруженным глазом было видно, что процесс фрагментации Грузии на этом не остановится. Понятной задачей каждого из сменяющих друг друга грузинских лидеров было как-то удержать целостность страны, а при возможности вернуть отделившиеся феодальные княжества.

В том, что «революция роз» была спроектирована Соединенными Штатами, сейчас уже никто не сомневается. Другое дело, что для американцев вопрос стоял лишь в испытании новой геополитической стратегии – интересы самой Грузии стояли на десятом месте. Но М. Саакашвили остался связан с США как отношениями личной верности, так и через супругу, входящую корнями в один из второстепенных американских политических кланов. Грузинский президент принимал факт наличия у него обязательств перед США и справедливо считал эти обязательства до некоторой степени взаимными.

Свои проблемы были у Штатов, по неосмотрительности втянувшихся в две непопулярные и экономически бесперспективные войны. Курс доллара постепенно падал, американское влияние ослабевало даже в Латинской Америке,

конкурентоспособность экономики США снижалась. Крепло понимание того, что США повторяет ошибки, сделанные предыдущими мировыми лидерами, перегружены обязательствами по всему свету и теряют цивилизационный приоритет. Это был понятный и многократно изученный сценарий «гибели Рима».

Перед выборами 2004 года в американских элитах господствовали настроения, что все проблемы *пока еще* могут быть решены жесткой, последовательной и бескомпромиссной политикой силы. Это означало, что республиканской администрации предстоял второй срок. Второй, но никак не третий. В 2008 году корабль американской политики, внутренний и внешней, должен был совершить резкий поворот, и для этой цели как нельзя лучше подходили демократы – не столь важно, во главе с Хилари Клинтон или с Бараком Обамой.

Так понимали ситуацию все, кроме, понятно, самих республиканцев, которые пока еще находились у власти. Дж. Буш и Д. Маккейн толкают М. Саакашвили на явную авантюру. Последний не заставил себя упрашивать, и 8-го августа началась короткая и несчастливая Осетинская война, в которой Грузия потерпела военное поражение, Россия – дипломатическое, Абхазия и Южная Осетия превратились в никем, кроме России, не признанные квазигосударственные образования, а Д. Маккейн резко поднял свои шансы на близких выборах заранее продуманной фразой: «*Мы теперь все грузины*».

После начала Осетинской войны рейтинг республиканцев вырос, выборы были близко, а с ними внятная перспектива еще четырех, если не восьми лет республиканской политики в исполнении Д. Маккейна. Подобного нарушения ранее достигнутых договоренностей американская «национальная корпорация», разумеется, не стерпела, и ровно за шесть недель до выборов ипотечный кризис, наблюдаемый аналитиками с середины 2006 года, внезапно переходит из скрытой в манифестную форму.

Время выбрано очень удачно: шесть недель совершенно достаточно для того, чтобы кризис раскрутился полностью, население осознало бы его и связало с деятельностью республиканской администрации. Но с учетом инертности экономики шести недель, конечно, не хватит для того, чтобы сработали антикризисные меры, пусть и самые гениальные.

Республиканцы потерпели унижительное поражение, Барак Обама одержал внушительную победу, но ценой всего этого стал преждевременный кризис. В первые недели своего развития этот кризис еще и «подогревался» американскими СМИ, в него закачивалась дополнительная энергия разрушения.

Сам по себе ипотечный кризис значим лишь в тех странах, где развернута экономика деривативов, существенен ипотечный сектор, а работа менеджеров банков оценивается по количеству и объему выданных кредитов. Последнее возможно, только если цены на недвижимость растут быстрее

банковского процента.

В 1970-х годах американцы столкнулись с серьезными проблемами в секторе банковского кредитования. Тогда банки тоже соревновались по объемам выданных кредитов, формальная валюта баланса раздувалась до небес, а об обеспечении и возврате никто не заботился. В итоге разразился острый кризис ликвидности. Положение было спасено отчасти государством, отчасти Федеральной Резервной Системой, но ценой резкого усиления контроля над инвестиционными банками и *отказа от «золотого стандарта» доллара*. При ипотечных кредитах ситуация вроде бы иная: всегда имеется залог – недвижимость, под которую взят кредит. И пока недвижимость растет в цене, все в порядке. Проблемы начинаются, если переоцененная недвижимость резко дешевеет, в результате чего стоимость залога (а по большей части это еще и «недострой») оказывается значительно меньше суммы кредита *с начисленными процентами*. В этом случае ликвидность ипотечных банков, разумеется, падает, и если они не смогут быстро получить дешевые межбанковские кредиты, происходит банкротство. Когда банков-банкротов достаточно много, начинается финансовый кризис, который постепенно распространяется на сектора реальной экономики.

Понятно, что в 2008 году с таким кризисом столкнулись только США и, отчасти, Великобритания. В остальных странах просто не было выдано достаточного количества ипотеч-

ных кредитов. В России их тогда вообще почти не было. Но связность современной мировой экономики настолько велика, что кризис в финансовом секторе США неожиданно аукнулся в совершенно других мирах-экономиках.

Выяснилось, что король голый!

Прежде всего, оказалось, что недвижимость переоценена *везде*. В течение десятилетий строительство стимулировалось именно тем, что цены на нее растут быстрее ставки рефинансирования. Квартиры и офисы покупали не для того, чтобы ими пользоваться, а просто с целью вложить деньги и получить прибыль. Вокруг этого процесса плодились и размножались компании-посредники. И вот теперь внезапно обнаружилось, что масса игроков на этом рынке остались на руках с недвижимостью, которую нельзя быстро и выгодно перепродать. Выбор, вставший перед риэлторами, был прост: либо получить какие-то деньги сразу, но с очень большим дисконтом, либо вернуть, по крайней мере, вложенные средства, но – в неопределенном будущем. Для большинства из них это был выбор между альтернативными формами разорения.

Таким образом, *локальный ипотечный кризис прекратился в глобальный кризис рынка недвижимости*: в сущности, обвал одного дериватива (ипотечные кредиты) вызвал синхронный обвал другого (цен на рынке недвижимости).

А дальше «посыпалась» строительная отрасль. Вслед за ней – производство строительного оборудования. Сразу же

начались проблемы у машиностроения. И тут оказалось, что в период активного экономического роста склады были забиты черным и цветным металлом, купленным «про запас». И тогда упал спрос на продукцию металлургического производства.

Сокращение рынка деривативов привело к рецессии реальной экономики и, опосредованно, к недолгому, но резкому снижению цен на углеводороды, что напрямую затронуло интересы стран-экспортеров, в том числе – России.

Столь массивные сокращения производства не могли не вызвать значительных увольнений, сокращения муниципальных и государственных расходов и, в конечном итоге, кризиса потребления. Сразу же забеспокоились инвесторы. Инвестиционный спад, в свою очередь, замедлил обращение финансов, в результате чего круг обратной связи замкнулся. Благодаря глобализации все это произошло быстро и повсеместно. Походя, были разрушены экономики целых стран, неудачно вложившие государственные облигации в разваливающиеся инвестиционные фонды (Исландия).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.